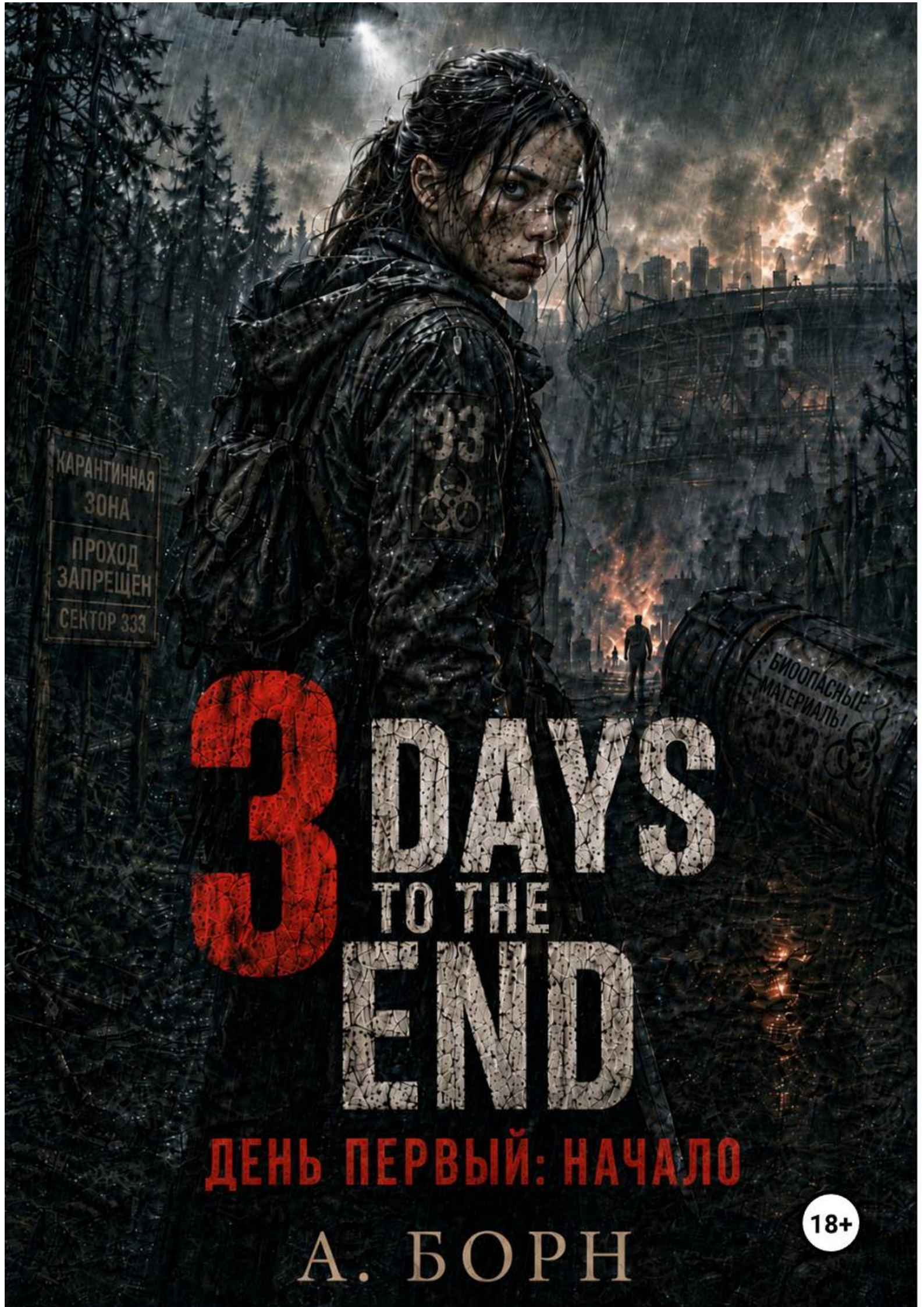

КАРАНТИННАЯ
ЗОНА
ПРОХОД
ЗАПРЕЩЕН
СЕКТОР 333

БИООПАСНЫЕ
МАТЕРИАЛЫ!
333

3 DAYS TO THE END

ДЕНЬ ПЕРВЫЙ: НАЧАЛО

А. БОРН

18+

Alex born

3 Days To The End.
День первый: Начало

«Автор»

2026

born A.

3 Days To The End. День первый: Начало / A. born — «Автор»,
2026

После смерти отца Ангелина находит старую запись, в которой слишком много предупреждений и слишком мало ответов. Бункер, дом в лесу, люди в черных костюмах с цифрой 33, зараженные, военные объекты и странный контейнер у реки - все это оказывается частью одной цепи, ведущей к катастрофе, о которой никто не должен был узнать. Вместе с Андреем она идет по следам прошлого через лесной городок, ярмарку, военную базу и место крушения борта 333. Чем дальше они заходят, тем яснее становится: болезнь, охватившая регион, связана не только с зараженными. За ней стоят эксперименты, секретные образцы и люди, для которых чужая жизнь всегда была расходным материалом. Когда правда наконец начинает открываться, Ангелина понимает: конец света - это не внезапная катастрофа. Это чья-то тщательно спланированная работа. И до конца осталось всего три дня.

© born A., 2026

© Автор, 2026

Alex born

3 Days To The End. День первый: Начало

ПРОЛОГ Четвёртый круг

К сумеркам трибуны уже не кричали. Они ревели.

Над стадионом медленно темнело, но прожекторы ещё не успели полностью победить серый вечер. Свет ложился на тёмный асфальт длинными белыми полосами, выхватывал из полумрака флаги, лица, рекламные щиты и машины на трассе.

Двенадцать машин одна за другой входили в длинный правый поворот, оставляя за собой запах горелой резины и бензина. Асфальт дрожал от моторов. В динамиках захлёбывался комментатор, пытаясь перекрыть толпу, музыку и визг тормозов.

Люди стояли плечом к плечу за металлическими ограждениями. Кто-то махал флагом, кто-то снимал гонку на телефон, кто-то спорил, кто первым уйдёт на пит-стоп. На верхних рядах трибун подростки били ногами по алюминиевым настилам, создавая глухой, звериный грохот.

У пит-лейна девушки с длинными ногами и одинаковыми улыбками подняли таблички. Одна поправила наушник, другая показала рукой в сторону боксов, предупреждая команду о скором заезде. Камера скользнула по их лицам, по блестящим от пота плечам, по флагам, по капотам машин.

Никто не смотрел на небо.

Машина под номером 3 ушла на пит-стоп.

Андрей входил в пит-лейн слишком резко, почти на грани штрафа. В наушнике кто-то матерился, требуя сбросить скорость, но он только усмехнулся под шлемом. Он всегда так делал: чуть позже тормозил, чуть ближе проходил к стене, чуть дольше держал газ, чем нужно.

На тёмном асфальте дрожали отражения рекламных щитов. Одна из девушек у пит-лейна обернулась к нему и улыбнулась, но улыбка тут же исчезла.

Небо вспыхнуло.

Не молнией. Не фотовспышкой. Чем-то широким и белым, будто за облаками на секунду открылась чужая дверь.

Комментатор запнулся.

«Похоже, у нас начинается дождь...»

Первые капли упали на асфальт.

Они были мелкими и тёплыми.

Одна из девушек у пит-стопа подняла лицо, моргнула и провела пальцами по щеке.

«Странный запах», сказала она, но её голос утонул в рёве моторов.

Дождь пах сладко.

Не свежестью и не мокрой пылью. В нём было что-то приторное, химическое, почти фруктовое.

На трибунах кто-то рассмеялся. Несколько человек подняли руки. Дети визжали от восторга. Мужчина в красной кепке широко открыл рот и крикнул имя своего гонщика.

Капля попала ему на язык.

Через секунду он замолчал.

Его лицо застыло, будто звук застрял внутри горла. Он схватился за шею, вытаращил глаза и согнулся пополам. Женщина рядом положила ему руку на плечо.

«Вам плохо?»

Он повернулся к ней и вцепился зубами в её щёку.

Крик женщины разрезал шум гонки, но его почти никто не услышал. Через несколько рядов мальчик лет двенадцати вдруг упал между сиденьями и забился в судорогах. Отец наклонился

нился, пытаясь поднять его, но мальчик вскочил раньше. Слишком быстро. Слишком резко. Он бросился отцу в грудь.

На нижней трибуне начали дёргаться люди. Сначала несколько. Потом больше. Через мгновение весь край сектора превратился в одно движение, ломкое, бешеное, неправильное.

Три секунды.

И люди перестали быть людьми.

Андрей остановился у своей команды. Механики бросились к колёсам. Один потянулся к гайковёрту, второй к канистре, третий ударил ладонью по капоту, показывая, что всё идёт нормально.

Потом за стеной пит-лейна изменился звук.

Толпа больше не ревела.

Она кричала.

Андрей повернул голову. За металлическим ограждением люди падали друг на друга. Сначала он подумал, что кто-то прорвал барьер или началась драка. Потом увидел мужчину, который вцепился зубами в лицо женщины. Увидел мальчика, бросившегося на собственного отца. Увидел, как охранник выстрелил в воздух и через мгновение исчез под телами.

«Что за хрень?..» прошептал Андрей.

Механик у переднего колеса тоже посмотрел туда.

Это стоило ему жизни.

Девушка с табличкой, ещё секунду назад стоявшая у края пит-лейна, вдруг упала на четвереньки. Её тело дёрнулось, будто кто-то рванул её за позвоночник изнутри. Она подняла голову, посмотрела прямо на механика и сорвалась с места.

Не побежала.

Метнулась.

Она врезалась в него сбоку, повалила на асфальт и вцепилась зубами в шею. Кровь ударила на мокрый бетон.

Команда Андрея застыла на долю секунды. Этого хватило, чтобы заражённые с трибун начали перелезать через ограждения.

«Езжай!» крикнул кто-то в наушнике. «Третий, езжай!»

Андрей ударил по газу.

Машина рванула вперёд, но пит-лейн уже перестал быть пит-лейном. Люди бежали поперёк полосы. Один упал на капот, ударился шлемом о стекло и оставил на нём кровавую дугу. Андрей дёрнул руль вправо, задел стойку, снёс ящик с инструментами и вылетел обратно к трассе.

Там было ещё хуже.

На прямой первая машина сбила троих. Вторая ушла в занос. Третья врезалась в ограждение и перевернулась. Её тут же облепили со всех сторон. Заражённые не разбегались от машин. Они прыгали на них, лезли на капоты, били руками и головами по стёклам.

Один вцепился зубами в край открытого окна, пока пилот пытался закрыть его изнутри.

Андрей увидел просвет между двумя машинами и пошёл туда.

В этот момент автомобиль впереди на полном ходу врезался в топливный пост.

Сначала была вспышка.

Потом звук.

Ударная волна толкнула машину Андрея в бок. Мир на мгновение стал бело-оранжевым. Визор шлема залило светом. Что-то тяжёлое ударило по крыше. Машину развернуло, швырнуло к стене, и он почувствовал, как ремни впились в грудь.

Пламя прокатилось по пит-лейну.

Заражённые не остановились. Некоторые загорелись и продолжили бежать, пока не падали на асфальт. Другие бросались в огонь, пытаясь добраться до тех, кто ещё двигался. В

зеркале Андрей увидел, как горящая фигура бьётся головой о боковое стекло перевёрнутой машины.

Он не сразу понял, что всё ещё жив.

Сначала был только звон в ушах, горячий воздух в лёгких и вкус крови на языке. Потом ремни. Потом треснувший визор. Потом собственные руки, которые почему-то не слушались с первого раза.

Андрей выбрался из машины, больше падая, чем вылезая. Мир вокруг качнулся, размазался огнём и дымом. Его вырвало прямо на мокрый асфальт. Глаза слезились так сильно, будто в них насыпали песка. Он моргал, вытирал лицо рукавом гоночного костюма и всё равно почти ничего не видел.

Всё было как будто не по-настоящему.

Люди кричали. Машины горели. Дождь уже стихал, но сладкий запах всё ещё висел в воздухе, смешиваясь с бензином, палёной резиной и кровью.

Андрей сделал шаг и едва не упал.

Где-то слева взревел мотор.

Он повернул голову.

Болид под номером 10 летел прямо на него. Машину несло боком, колёса срывали воду с асфальта, а перед капотом металась толпа разъярённых людей. Некоторых болид сбивал, других отбрасывало к ограждению, но те, кто оставался на ногах, всё равно тянулись к нему руками.

Андрей успел отскочить в сторону в последнюю секунду.

Болид пронёсся мимо, задел обломок ограждения и врезался в опорный столб. Удар вышел глухим, страшным, почти мясным. Столб дрогнул, накренился и рухнул, потянув за собой часть металлической сетки.

Сетка упала между Андреем и трассой.

На мгновение он оказался отрезан от всего: от горящих машин, от толпы, от пит-лейна, от выхода, который ещё минуту назад казался единственным шансом.

Заражённые бросились к нему с другой стороны. Руки просунулись в ячейки, пальцы скребли воздух в нескольких сантиметрах от его лица. Кто-то ударился о сетку всем телом, кто-то пытался протиснуть голову между металлическими прутьями, но ограждение держало.

Они не могли добраться до него.

Пока.

Андрей попятился и увидел лестницу вниз.

Узкую служебную лестницу под трибуной, о которой зрители обычно даже не знали. Такие проходы использовали техники и уборщики: туда спускали кабели, ящики с инвентарём, запасные крепления для рекламных щитов. Внизу, под бетонным основанием сектора, была маленькая комната обслуживания, больше похожая на кладовку. Щиток, катушки проводов, ведро с песком, несколько складных барьеров и тяжёлый металлический ящик для инструмента.

Андрей почти скатился по ступеням.

Дверь в комнату захлопнулась за ним с таким звуком, что он сам вздрогнул.

Он даже не понял, есть ли кто-то снаружи.

Тело решило раньше головы.

Андрей навалился плечом на дверь, шаря глазами по темноте. Нашёл металлический ящик, упёрся ногой в стену и подтянул его к себе. Ящик скрежетал по бетону, будто не хотел двигаться. Андрей выругался, дёрнул ещё раз и подпер им дверь.

Потом продолжил держать.

Стоял, вжимаясь плечом в металл, сжав зубы так сильно, что заболела челюсть. Ему казалось, что снаружи вот-вот ударят. Что сейчас дверь прогнётся. Что сейчас пальцы полезут в щель у пола.

Но ударов не было.

Заражённые уже переключились на другую цель. Где-то наверху снова закричал человек, и топот начал удаляться, разрываясь на десятки быстрых шагов.

Андрей этого не понял.

Он всё ещё держал дверь.

Только через несколько минут ноги подогнулись сами. Он сполз по стене и сел на холодный пол. Руки тряслись. Дыхание рвалось короткими, глупыми кусками. Он прижал ладони к лицу, пытаясь заставить себя думать.

Что бы сейчас сделала она?

Мысль пришла неожиданно, почти чужая.

Ангелина.

Он увидел её так ясно, будто она стояла рядом: спокойная, злая, с этим своим взглядом, от которого даже взрослые мужики иногда переставали спорить. Она бы не сидела просто так. Она бы слушала. Сначала слушала. Потом искала выход. Потом оружие. Потом воду. Потом способ не умереть в первые десять минут.

Андрей опустил руки и заставил себя замолчать.

Снаружи было тихо.

Именно это оказалось хуже всего.

Он задержал дыхание и начал слушать.

В динамиках наверху всё ещё пытался говорить голос комментатора, но слова распались на треск.

«Внимание всем службам... это не авария на трассе... повторяю... это не авария...»

Связь оборвалась.

Последним в кадр камеры наблюдения попал мокрый асфальт, красный флаг, катящийся по трассе шлем и бегущие ноги.

Очень много бегущих ног.

ГЛАВА 1

Дом под землёй

Ангелина проснулась в бункере.

Ещё один день под землёй. Ещё одно утро без солнца, без голосов, без случайных звуков с улицы. Только глухое гудение вентиляции, слабый запах металла и сырого бетона, да редкие щелчки старого реле где-то за стеной.

Она лежала неподвижно, глядя в низкий потолок, и снова поймала себя на злости.

Не на мир, не на одиночество. На отца.

Он слишком рано ушёл. Оставил ей бункер, запасы, оружие, инструкции, свои безумные записи и исчез, будто имел на это право.

Скорби почти не было. Или она просто не умела её распознавать. Так её воспитали.

Мать Ангелина почти не помнила. Во всяком случае, так ей казалось. В её памяти были белая простыня, запах лекарств, тонкая рука на одеяле и тихий голос отца за спиной. Позже она уже не понимала, что из этого помнит сама, а что отец когда-то собрал для неё из своих слов.

Отец говорил, что мать долго болела и умерла накануне её четвёртого дня рождения.

Он говорил это так часто, что история стала частью её памяти. Хотя, если быть честной, странным он был всегда: со своими разговорами о небе, чужих огнях, правительственных тенях и тем, что «за ними смотрят». После смерти жены что-то в нём окончательно сдвинулось.

Это не помешало ему воспитать дочь.

Просто воспитывал он её не с куклами, сказками и игрушками, а с ружьём, ножом, картой леса и правилом: если хочешь жить, сначала смотри, куда отступить.

Ангелина села на койке, нащупала под подушкой рукоять ножа и только после этого опустила ноги на холодный пол.

Есть не хотелось. Пить тоже. Внутри было слишком пусто, будто организм ещё выполнял привычные команды, а сама она давно отстала где-то позади.

Нужно принять душ.

Она нахмурилась.

Кажется, вчера она этого не делала. И позавчера тоже.

Стоп. А когда она вообще мылась в последний раз?

Ангелина поднялась и подошла к треснутому пыльному зеркалу, прибитому к стене рядом со старой металлической раковиной. Провела ладонью по стеклу, оставляя мутную полосу, и посмотрела на своё отражение.

На неё смотрела не она.

Спутанные волосы, сероватая кожа, тёмные круги под глазами, сухие губы. Майка висела на плечах как чужая вещь. На ключице темнела старая царапина, которую она даже не помнила.

Больше месяца она жила в этом состоянии, в апатии, злости и бесконечных разговорах с человеком, которого уже не было.

Пора было привести себя в порядок.

Душ в бункере работал по таймеру. Отец поставил его сам: три минуты на человека, пять, если «мир уже закончился». Ангелина всегда ненавидела эту шутку.

Позже она сама переделала систему. Смастерила простую солнечную батарею, протянула кабель к накопителю и подключила нагрев к воде из колодца, который отец когда-то вырыл рядом с бункером.

Горячей эту воду назвать было нельзя. В лучшем случае чуть тёплой. И хватало её всего на пять минут.

Но пять минут под не ледяной струей в месте, где всё было рассчитано на выживание, казались почти роскошью.

Ангелина стянула майку, бросила её на край раковины и шагнула в узкую душевую кабину, сваренную отцом из металлических листов. Вода пошла не сразу. Сначала трубы кашлянули воздухом, потом из лейки вырвалась ржавая струя, и только через пару секунд поток стал ровнее.

Она стояла неподвижно, позволяя воде стекать по лицу, шее, плечам.

Пять минут.

Обычно она считала их автоматически.

Сегодня нет.

Сегодня ей хотелось просто стоять и не думать ни о запасах, ни о генераторе, ни о пустой койке отца, ни о том, что наверху лес продолжал жить так, будто ничего не произошло.

Таймер щёлкнул слишком рано.

Вода оборвалась.

Ангелина открыла глаза и несколько секунд смотрела в серую стену перед собой. Потом выдохнула, вытерла лицо ладонями и потянулась за полотенцем.

Она надела чистую майку, старые спортивные шорты и отцовскую фланелевую рубашку, которая всё ещё пахла дымом, оружейным маслом и чем-то горьким. Может, сыростью. Может, им самим.

Рубашка была ей велика. Рукава приходилось подворачивать дважды, но Ангелина всё равно носила её чаще, чем хотела бы признать.

На столе у стены лежал блокнот проверок.

Воздух. Вода. Питание. Радио. Периметр.

Пять слов, которыми отец заменил ей утреннюю молитву.

Она открыла блокнот на сегодняшней странице, хотя дата там уже несколько дней не менялась. Ручка лежала рядом, аккуратно привязанная к обложке тонким шнурком. Отец терпеть не мог, когда вещи пропадали со своих мест.

Ангелина усмехнулась.

«Видишь, пап? Ручка на месте. Мир ещё держится».

Голос прозвучал слишком громко в бетонной комнате.

Она замолчала, закрыла блокнот и пошла к панели вентиляции. Стрелка давления дрожала чуть ниже зелёной отметки. Не критично. Фильтр нужно будет заменить через пару дней, если верить отцовским расчётам.

Если не верить, тоже.

С водой было проще. Насос работал ровно, бак был заполнен почти на две трети. Аккумуляторы держали заряд. Генератор пока молчал, и это было хорошо: дизель нужно беречь.

Она отмечала пункты в блокноте один за другим, двигаясь по бункеру почти беззвучно. Так её учили с детства: не шаркать, не хлопать дверцами, не оставлять за собой открытых ящиков.

Последней была радиорубка.

Ангелина остановилась перед дверью чуть дольше, чем нужно. Не потому что боялась радио. Просто там всё ещё лежали отцовские кассеты, его наушники, его карандаши, его карты с красными линиями, уходящими в небо.

Она толкнула дверь плечом и вошла.

Старый радиоприёмник стоял на столе, накрытый пыльным куском ткани. Отец притащил его ещё до бункера и переделывал столько раз, что от заводской начинки там почти ничего не осталось. Ангелина сняла ткань, села на стул и включила питание.

Сначала был только шум.

Обычный, ровный, пустой.

Она уже потянулась выключить приёмник, когда сквозь помехи прорезался чужой голос:

«...сектор три... подтверждаю погодное окно... перевозка...»

Ангелина замерла.

Шум вернулся так резко, будто голоса и не было.

Она медленно наклонилась к динамику и покрутила ручку настройки.

«Повтори», сказала она тихо.

В ответ радио зашипело.

Она сидела так почти минуту, слушая пустоту. Потом откинулась на спинку стула и посмотрела на карту перед собой.

В верхнем углу отец когда-то написал чёрным маркером:

НЕБО ВРЁТ ПЕРВЫМ.

Ангелина провела пальцем по этой фразе и криво усмехнулась.

«Поздравляю, пап. Небо снова шепчет».

Но на этот раз ей почему-то не захотелось смеяться.

Она выключила радио, накинула на плечо старую отцовскую куртку и вышла из радиорубки. У выхода задержалась на секунду, проверяя нож на поясе, патроны в кармане, фонарь и ключ от внешней двери. Пальцы двигались сами, без участия мысли.

Отец называл это выучкой.

Ангелина называла это занудством мёртвого человека, которое почему-то до сих пор управляло её руками.

Выйдя из бункера, она пошла проверить капканы.

Лес встретил её холодным влажным воздухом и запахом мха. После бетонных стен даже серое утро казалось слишком ярким. Ангелина постояла пару секунд у замаскированного входа, прислушиваясь.

Сначала она слышала птиц. Потом ветер. Потом дальний треск ветки где-то ниже по склону.

Она отметила звук, но не повернула головы сразу. Отец учил: если смотреть резко, лес поймёт, что ты его слышала. Глупость, конечно. Лес ничего не понимал. Но привычка осталась.

Первый капкан был пуст.

Ангелина присела, не становясь на колено, проверила натяжение пружины, грязь вокруг, следы у корня старой сосны. Кто-то подходил ночью, но не попался. Мелкий зверёк. Лисица, возможно. Или куница.

Второй капкан тоже оказался пустым.

В третьем была добыча.

Небольшой заяц висел в петле, уже остывший, с намокшей шерстью и стеклянным глазом, обращённым куда-то в сторону деревьев. Ангелина несколько секунд смотрела на него без мысли, потом присела и быстро освободила тушку.

Руки сами сделали всё правильно.

Она проверила петлю, осмотрела следы, убедилась, что рядом нет крови, чужих отпечатков или признаков падали. Потом снова поставила ловушку, замаскировала её и ушла не по прямой.

Так её учили.

Она перекинула зайца через плечо и пошла обратно к бункеру.

И только на полпути поймала себя на мысли: зачем?

На складе стояли ящики с сухпайками. Полки ломились от банок с тушёным мясом, которое они с отцом заготавливали ещё до его смерти. Мешки с крупой, соль, сахар, фильтры, вяленое мясо, консервы, сухие овощи. Если считать строго, всего этого хватило бы больше чем на год.

Может, даже на два, если есть по отцовским нормам.

Тогда зачем она каждое утро выходила в лес? Зачем проверяла капканы, чистила ружьё, чинила фильтры, отмечала уровень воды и заряда, будто кто-то всё ещё мог поставить ей оценку?

Ответ был неприятным.

Если она перестанет делать это, день развалится.

А если развалится день, за ним развалится и она.

У входа в бункер Ангелина остановилась, ещё раз оглянулась на лес и только потом спустилась вниз.

Заяц лёг на старую разделочную доску без лишней торжественности. Ангелина освежала его быстро, почти механически. Нож шёл ровно. Руки не дрожали. Отец когда-то говорил, что уважение к добыче это не слова над тушей, а чистая работа и ничего впустую.

Она промыла мясо, убрала лишнее, поставила котелок на маленькую плиту и добавила щепоть соли. Больше ничего. Не хотелось ни вкуса, ни уюта.

Пока мясо готовилось, она сидела рядом, глядя на слабое пламя.

В бункере снова было тихо.

Когда еда была готова, Ангелина съела немного прямо из котелка. Остальное убрала в металлический контейнер и поставила в холодный отсек.

День ещё даже не начался как следует, а она уже устала от него.

Она вымыла нож, вернула его под подушку, сняла куртку и легла на койку, не раздеваясь до конца.

Сон пришёл не сразу.

Сначала пришёл голос отца.

«Воздух. Вода. Питание. Радио. Периметр».

Ангелина закрыла глаза крепче.

«Заткнись, пап».

Но бункер всё равно продолжал гудеть его голосом.

ГЛАВА 2

Голос отца

Ангелина проснулась от очень странного гула.

Не громкого. Скорее низкого, тягучего, будто где-то далеко по небу тащили огромный лист железа. Звук шёл не снаружи и не изнутри. Он проходил через бетон, через койку, через рёбра, заставляя воздух в бункере едва заметно дрожать.

Рука по привычке скользнула под подушку и сомкнулась на рукояти ножа.

Ангелина открыла глаза.

Несколько секунд она лежала неподвижно, прислушиваясь. Вентиляция работала неровно. Где-то щёлкнуло реле. Лампочка над дверью мигнула и снова загорелась тусклым жёлтым светом.

Гул повторился.

Теперь ближе.

Ангелина села, не выпуская ножа, и босиком пошла к панели наружного наблюдения. Экран был старый, маленький, с мутным стеклом и трещиной в левом углу. Отец когда-то вывел на него камеру, спрятанную в корнях поваленной сосны над входом.

Она щёлкнула тумблером.

Экран вспыхнул серым.

По нему побежала рябь.

На секунду показался лес: чёрные стволы, мокрая земля, кусок замаскированной тропы. Потом изображение дёрнулось, пошло полосами и снова утонуло в помехах.

«Да ладно тебе...»

Ангелина ударила ладонью по боку панели. Не сильно. Просто так, как всегда делал отец, когда техника начинала спорить.

Картинка вернулась на мгновение и тут же пропала.

Возможно, села батарея камеры. Или намок контакт. Или старый хлам наконец решил умереть именно этой ночью.

Гул снова прокатился над лесом.

Ангелина выругалась, схватила фонарь и пошла к внешнему коридору. Смотровая щель была дальше, за первой гермодверью, там, где бетонный ход поднимался к поверхности.

Она открыла внутренний засов, прошла в узкий коридор и поднялась на носки, прижимаясь глазом к холодному металлу.

Сначала она увидела только темноту.

Потом небо вспыхнуло.

Ярко. Беззвучно. Слишком широко для молнии.

На мгновение деревья стали плоскими и белыми, будто кто-то вырезал их из бумаги и поднёс к свету. Потом вспышка погасла, и тьма вернулась сразу, тяжёлая, густая.

Ноги задрожали сами по себе.

Ангелина ненавидела это. Тело предало её раньше, чем она успела что-то решить.

Потому что она вспомнила слова отца.

«Когда небо станет белым, Ангел, не открывай дверь».

Она медленно отступила от щели.

«Нет», сказала она тихо. «Только не это».

Наружу она не вышла.

Не ночью.

Отец всегда говорил не выходить ночью. Ночью лес принадлежал не людям.

Поэтому Ангелина осталась за гермодверью до утра.

В этот момент в радиорубке щёлкнул старый приёмник.

Тот самый, накрытый днём пыльной тканью.

Отец встроил в него кассетный блок и подключил к аварийной панели. Ангелина знала об этой переделке, но ни разу не слышала, чтобы механизм включался сам. Отец называл его «последним предупреждением». Она всегда считала эту систему очередной частью его безумия: датчики вибрации, резервное питание, автоматический запуск, кассета, которую он запрещал трогать.

До этой секунды всё это казалось мёртвым хламом.

Плётка внутри приёмника зашуршала.

И голос отца заполнил коридор.

«Ангел... если ты слышишь это, значит, небо уже открылось».

Голос был хриплым, уставшим, слишком живым.

Ангелина застыла.

Она ненавидела, когда он называл её так. Особенно теперь. Особенно из динамика, особенно после смерти, особенно в тот момент, когда небо за дверью действительно вспыхнуло белым.

«Не выходи наружу», продолжил отец. «Не смотри на свет. Не верь голосам по радио. Они будут говорить, что это авария. Что это учения. Что всё под контролем. Не верь».

На плётке что-то щёлкнуло. Возможно, отец кашлянул или поправил микрофон. Потом его голос стал ниже.

«Если услышишь гул, уходи вниз. Закрой внешний контур. Проверь фильтры. Жди до утра. Что бы ни случилось наверху, не открывай дверь».

Запись зашипела.

Ангелина стояла посреди коридора, сжимая нож так сильно, что побелели пальцы.

Она хотела рассмеяться. Правда хотела. Сказать что-нибудь злое. Что-нибудь про отцовский театр, который наконец сработал. Или про то, что теперь он пугает её даже после смерти.

Но смех не вышел.

Снаружи по металлу люка ударила первая капля.

Ангелина подняла глаза.

Потом вторая.

Потом третья.

Дождь пошёл тихо, почти осторожно.

Она снова подошла к щели, но не прижалась к ней сразу. Просто стояла, слушая, как капли стучат по металлу, по земле, по деревьям наверху.

Тихий дождь. Почти обычный.

И от этого становилось хуже.

Потом она почувствовала запах.

Сладкий. Чужой. Неправильный.

Ангелина отступила от люка.

На этот раз уже быстро.

Она закрыла внешний контур. Проверила засовы. Проверила фильтры. Потом ещё раз. И ещё. Стрелки стояли в зелёной зоне. Давление держалось. Вентиляция работала неровно, но работала.

Всё было в норме.

Только мир за дверью больше не казался нормальным.

Запись отца закончилась сухим шелчком, но его голос остался в стенах.

«Жди до утра. Что бы ни случилось наверху, не открывай дверь».

Ангелина села на пол у гермодвери, положила нож на колени и стала ждать.

Дождь шёл недолго.

Но даже когда он закончился, она ещё долго не могла заставить себя дышать спокойно.

Впервые за много лет ей захотелось, чтобы отец оказался просто сумасшедшим.

ГЛАВА 3

До утра

Ангелину обуял сильный страх.

Не резкий, не крикливый. Хуже. Холодный, тяжёлый, липкий. Он поднялся откуда-то из живота, сжал рёбра и заставил пальцы на рукояти ножа онеметь.

Она никогда так не боялась. Ни людей, ни зверей, ни темноты в лесу.

И это пугало сильнее самого гула за дверью.

Почему-то она вспомнила одну из тренировок отца.

Ей было двенадцать. Может, тринадцать. Они стояли в глубине леса, там, где сосны росли слишком плотно, а мох глушил шаги лучше любого ковра. Отец завязал ей глаза старой чёрной тряпкой и велел слушать.

Это не было похоже на тренировки, о которых рассказывали мальчишки из школьной секции бокса. Не было похоже на охотничьи уроки, где учат ждать зверя и не шуметь. И даже на армию, какой Ангелина представляла её по старым фильмам, это тоже не походило.

У отца всё было иначе. Без команд, без счёта, без формы и без права ошибиться дважды.

Он не учил её побеждать. Он учил её оставаться живой там, где правил больше нет.

«Страх первым делом забирает у тебя глаза», сказал он тогда. «Потом руки. Потом ноги. Если позволишь, заберёт голову».

Она стояла босиком на холодной земле, сжимая в руках старое ружьё, которое казалось слишком тяжёлым для её возраста. Где-то рядом трещала ветка. Потом ещё одна.

Она крутанулась на звук, но отец тут же ударил её палкой по предплечью.

Не сильно.

Достаточно.

Ружьё дёрнулось вниз.

«Мертва», сказал он.

«Это нечестно».

«Мёртвым всё равно, честно было или нет».

Иногда Ангелине казалось, что отец сам не до конца понимал, чему её учит. Будто вытаскивал эти уроки из какого-то тёмного места в памяти: из старых ран, из снов, после которых просыпался мокрый, хватал пистолет под подушкой и несколько секунд не узнавал собственную дочь.

По его шрамам она давно догадывалась: за плечами у него было что-то намного тяжелее охоты и обычной службы. Позже она поняла и про контузию. Лёгкую, почти незаметную для чужих. Он мог переспросить простую фразу, забыть, зачем вошёл в комнату, перепутать день недели, но при этом никогда не ошибался в направлении ветра, расстоянии до цели или звуке шагов за спиной.

Странные увлечения отца Ангелина тоже долго списывала на эту контузию. Старые газетные вырезки про огни в небе, кассеты с радиоперехватами, потрёпанные журналы об НЛО, листы с выписанными от руки частотами, карты с красными кругами и пометками на полях. Всё это сначала казалось ей болезненной привычкой человека, который слишком много видел и не всё смог унести в себе молча.

После смерти матери стало хуже.

Отец начал чаще говорить о небе, о скрытых объектах, о людях, которые «носят форму не для защиты». Он мог часами сидеть над старыми записями, перематывать один и тот же шум на кассете, вслушиваться в треск помех и уверять, что между ними есть сигналы.

Ангелина тогда не спорила. Она была слишком маленькой, а потом слишком привыкшей. Ей казалось, что у каждого взрослого есть своя поломка. У отца этой поломкой было небо.

Отец мог стрелять с закрытыми глазами из двух рук по монетам.

Ангелина видела это один раз.

Ей было четырнадцать. Он поставил на старый пень три медные монеты, завязал себе глаза той самой чёрной тряпкой, с которой обычно тренировал её, и велел отойти за линию.

«Слушай металл», сказал он.

Она хотела спросить, как можно слушать монету, которая не двигается, но не успела.

Три выстрела прозвучали почти слитно.

Когда она подошла к пню, две монеты были пробиты почти по центру. Третью сорвало с края, и она лежала в траве с ровной вмятиной.

Отец снял повязку, посмотрел на результат и поморщился так, будто провалил простейшее упражнение.

«Плохо», сказал он. «Раньше было лучше».

Тогда Ангелина впервые по-настоящему испугалась не его странностей, а того, кем он мог быть раньше.

Позже она нашла два необычных пистолета в тайнике под половицей. Отец научил её разбираться в оружии достаточно хорошо, чтобы она сразу поняла: эти пистолеты не были серийными. В них было слишком много ручной работы. Нестандартные затворы, точная подгонка деталей, рукояти, сделанные будто под конкретную ладонь.

Они напоминали наградные, только вся гравировка была стёрта. Не временем и не ржавчиной. Кто-то намеренно прошёлся по металлу напильником, уничтожая надпись.

Только в одном месте, у основания рукояти, под неправильным углом света иногда проступали две цифры. Три и ещё одна три. Остальное было уничтожено так старательно, будто тот, кто стирал надпись, боялся не имени, а самого следа.

Ангелина не раз тайком разбирала их, пока отца не было дома. Снимала затвор, осматривала рамку, ловила свет под разными углами, пытаясь вытащить из повреждённого металла хоть одну букву, хоть один знак, хоть намёк на имя или продолжение этих двух цифр.

Но всё было тщетно.

Металл молчал так же упрямо, как отец.

Он никогда не называл то, чему учил её, системой. Не объяснял, где сам этому научился. Только повторял, что если тебе пришлось драться, ты уже опоздала; если пришлось стрелять, кто-то подошёл слишком близко; если пришлось бежать, ты выбрала плохое место.

Каждый раз Ангелина хотела спросить, где с ним такое случалось.

Но не спрашивала.

Потому что в такие моменты его лицо становилось чужим.

«Ещё раз, Ангел».

«Не называй меня так».

Он помолчал.

А потом сказал тише:

«Тогда выживи, и я не буду».

Она выжила.

Не в тот день. Не сразу. Но научилась. Сначала слушать. Потом ждать. Потом дышать так тихо, чтобы собственный страх не заглушал лес.

Ангелина моргнула.

Бункер вернулся на место: гермодверь, нож на коленях, слабый свет аварийной лампы, сладковатый запах, который всё ещё будто цеплялся за металл.

Она медленно вдохнула.

Раз.

Потом второй.

Потом третий.

Руки всё ещё дрожали, но уже меньше.

«Слушай», прошептала она себе голосом отца. «Сначала слушай».

За дверью было тихо.

Слишком тихо.

Мысль не оставляла её в покое.

Неужели отец был прав?

Ангелина попыталась отогнать её, но та возвращалась снова и снова, цепляясь за гул в небе, за белую вспышку, за сладкий запах дождя и за голос на старой кассете.

Нет.

Он не мог быть прав.

Она поднялась с пола, взяла нож и пошла в радиорубку.

Старый радиоприёмник стоял на том же месте, под картой леса. После ночной записи он казался уже не мёртвым хламом, а чем-то настороженным, будто тоже ждал продолжения. Снаружи это была древняя коробка с треснувшим пластиком, но внутри отец переделал почти всё: чужие платы, военный тумблер, усилитель, кассетный блок, самодельная антенна, выведенная куда-то наверх через вентиляционный канал.

Отец говорил, что новые устройства слишком послушные. Что они ловят только то, что им разрешили ловить.

А этот, по его словам, «ещё умел слышать».

Ангелина всегда считала это очередной ерундой. В глуши, да ещё под землёй, приёмник чаще всего ловил только шипение, обрывки дальних станций и редкие голоса, похожие скорее на сны, чем на передачу.

Она включила питание.

Приёмник ожил не сразу. Сначала внутри что-то глухо щёлкнуло, потом динамик выдал длинный шипящий вздох.

Ангелина села, придвинулась ближе и начала медленно крутить ручку настройки.

Шшшшш.

Пустота.

Щелчок.

Треск.

Далёкая музыка, сразу утонувшая в помехах.

Снова шипение.

Она уже почти решила, что делает глупость, когда сквозь шум прорезался голос:

«...орт три... три...»

Ангелина замерла.

Она наклонилась к динамику так близко, что почувствовала запах пыли, нагретого пластика и старого металла.

«Повтори», прошептала она.

В ответ динамик зашипел сильнее.

Ангелина медленно повернула ручку назад. Потом чуть вперёд. Ещё на волосок. Волна ускользала, пряталась в помехах, но голос снова пробился наружу:

«...борт три-три-три... как слышно?.. Борт три-три-три, ответьте... повторяю, ответьте...»

Шшшшш.

«...вы пропали с радара... борт три-три-три, подтвердите связь...»

Тишина в эфире длилась секунду.

Потом две.

Потом её разорвало чужим голосом. Другим, более далёким, сбивчивым, будто частота случайно зацепила соседнюю волну.

«...Господи, сохрани нас... не пускайте их внутрь... слышите?... Не открывайте двери...»

Ангелина резко подкрутила тумблер.

Шум усилился, потом провалился вниз, и голос стал чуть яснее.

Это был мужчина. Он говорил быстро, срываясь, как человек, который пытается одновременно молиться и передавать сообщение.

«...если вы дома, оставайтесь дома... не выходите на улицу... не подходите к тем, кто был под дождём... они... они не...»

Помехи снова накрыли фразу.

Ангелина впила пальцами в ручку настройки.

«Давай», прошептала она. «Говори».

Голос вернулся обрывком:

«...они бегут... Господи, они бегут...»

По спине Ангелины прокатилась волна пота.

Она снова вспомнила слова отца.

«Не верь голосам по радио. Они будут говорить, что это авария. Что это учения. Что всё под контролем».

Но этот голос не говорил, что всё под контролем.

Он молился.

А потом пропал.

Ангелина крутанула ручку настройки, сначала медленно, потом резче. Вернулась назад, поймала тот же диапазон, сдвинулась на полделения, потом ещё на одно. Приёмник отвечал только скрежетом и шипением.

Она пыталась почти минуту.

Потом ещё.

Но больше не было ни борта три-три-три, ни человека с молитвой, ни просьбы не выходить из дома.

Только помехи.

Сухой треск.

И шипение, похожее на чужое дыхание в темноте.

ГЛАВА 4

Лина

Ангелина выключила приёмник только тогда, когда шипение стало казаться живым.

Тишина после него не принесла облегчения. Она просто заполнила радиорубку плотнее, чем помехи. Ангелина сидела перед старой коробкой отцовского приёмника, держа ладонь на тумблере, и ещё несколько секунд ждала, что голос вернётся.

Он не вернулся.

Вместо него взгляд зацепился за фотографию, засунутую под край карты.

Четверо подростков на фоне старой лесной дороги.

Бумага выцвела, углы загнулись, но лица всё ещё были узнаваемыми. Андрей стоял слева, с велосипедным шлемом под мышкой и той самой ухмылкой, из-за которой учителя в школе заранее начинали злиться. Дима шурился от солнца и пытался закрыться ладонью, будто фотография могла украсть у него что-то важное. Яна стояла рядом с ним, чуть боком, держа его за рукав, и смотрела не в камеру, а на Ангелину.

Ангелина стояла между ними.

Нет.

Не Ангелина.

Лина.

Так её называли только они.

Она осторожно вытащила фотографию из-под карты и провела большим пальцем по пыльной поверхности. На снимке ей было шестнадцать. Может, семнадцать. Точно до старого дома лесника, до бункера, до того случая, после которого отец увёз её глубже в лес.

Тогда они ещё жили в лесном городке, где все знали всех, но делали вид, что это не так. Днём там пахло мокрыми досками, бензином, дымом из печных труб и сосновой смолой. По вечерам слышно было, как где-то за домами лают собаки, а с трассы доносится редкий гул машин.

Андрей всегда оборачивался на этот гул первым.

Он вообще оборачивался на всё, что двигалось быстрее человека. Сначала это были велосипеды, потом мопеды, потом чужие машины, которые он узнавал по звуку раньше, чем они появлялись из-за поворота. Ангелина понимала его лучше, чем остальные. Не потому что любила скорость так же сильно, а потому что любила разбираться, почему железо едет, скрипит, глохнет или оживает после удара ключом по стартеру.

Они могли часами торчать в гараже у её отца, пока старый пикап стоял с поднятым капотом, а Андрей спорил, что проблема в карбюраторе.

Ангелина обычно молчала, слушала двигатель, потом лезла глубже и находила треснувший провод, забитый фильтр или хомут, который кто-то затянул через силу.

Андрей злился, но недолго.

«Ненавижу, когда ты права, Лина».

«Тогда привыкай».

Он смеялся, и всё снова становилось простым.

Дима в такие моменты сидел на перевёрнутом ящике и делал вид, что ему скучно, хотя сам постоянно лез с советами. Он был человеком цифр, схем и осторожных выводов. Если Андрей хотел завести мотор любой ценой, то Дима сначала спрашивал, почему эта штука вообще должна завестись и не сгореть вместе с ними.

Яна обычно терпела их разговоры минут десять.

Потом закатывала глаза и говорила:

«Вы трое можете хотя бы один день провести так, чтобы от вас не пахло маслом, дымом или мёртвой белкой?»

Ангелина тогда почти улыбалась.

Для неё это было много.

Дима был парнем Яны уже тогда, хотя они оба делали вид, что это не так. Он краснел, когда она брала его за руку, и начинал говорить ещё быстрее, чем обычно. Яна смеялась над ним, но руку не отпускала.

С Ангелиной у Яны всё было иначе. Между ними не было той дружбы, в которой ночами говорят о платьях, мальчиках и чужих секретах. Яна не видела в Лине ничего особенно девчачьего и, кажется, даже не пыталась. Она принимала её такой, какой та была: слишком молчаливой, слишком собранной, слишком взрослой для своего возраста.

Наверное, именно поэтому Ангелина рядом с ней не раздражалась.

Сама Ангелина никогда не считала себя особенно девчачьей. Не потому что презирала платья, юбки или каблуки. Просто на ней всё это выглядело так, будто её заставили играть чужую роль. Коренастая, крепкая, с тёмными волосами и зелёными глазами, она куда естественнее смотрелась в старых джинсах, выцветшей майке, тяжёлых ботинках или отцовской рубашке, подвёрнутой на рукавах.

Парни в городке всё равно смотрели на неё.

Некоторые даже пытались подойти.

В пятнадцать или шестнадцать у неё уже был опыт отношений, если это можно было так назвать. Ангелина отвечала на искренность. На прямой взгляд, на честный разговор, на попытку узнать её, а не придумать себе удобную версию девчонки с ружьём и странным отцом.

Но искренних было мало.

Городок был небольшим. Все знали друг друга и делали вид, что не знают. Отца Ангелины побаивались, хотя никто толком не мог объяснить почему. Про него ходили слухи, но чаще люди просто сторонились. Слишком тихий, слишком внимательный, слишком не похожий на обычного охотника. Родители некоторых парней просили сыновей не связываться с его дочерью. Говорили, что она им не пара, что с такими лучше держаться на расстоянии, что в их семье «что-то не так».

Случайные симпатии заканчивались быстро. Обычно ещё до того, как успевали стать чем-то настоящим. Кто-то пугался её молчания, кто-то отцовского взгляда с крыльца, кто-то понимал, что рядом с ней нельзя играть в сильного, потому что она слишком быстро видела фальшь.

Одни отношения продержались дольше остальных. Почти полгода. Парень был спокойный, не задавал лишних вопросов и не пытался переделать её в кого-то более удобного. Ангелина не знала, любила ли она его. Ей было хорошо рядом, а для неё тогда это уже значило много.

Потом его семья развелась. Мать увезла его в другой город. Какое-то время они переписывались короткими сообщениями, всё реже и реже, пока однажды переписка просто не остановилась.

Ангелина не плакала.

Она даже не была уверена, что расстроилась так, как должна была. Возможно, с ней что-то было не так. А возможно, отец слишком рано научил её не держаться за то, что всё равно уйдёт.

На этом фоне отношения Димы и Яны казались почти невозможной роскошью. У них всё получалось мягче. Не идеально, не как в фильмах, но естественно. Дима мог ворчать, что Яна отвлекает его, пока он считает сопротивление в проводке, а через минуту сам тянулся к её руке. Яна могла смеяться над его занудством, но всегда слушала, когда он начинал объяснять что-то всерьёз.

Они подходили друг другу так спокойно, что Ангелина иногда смотрела на них и не понимала, как это вообще устроено. Как можно быть рядом с человеком и не ждать подвоха. Как можно спорить, смеяться, злиться, мириться и при этом не собирать внутри план отступления.

Они чаще всего встречались все вместе. Иногда у старой лесопилки, иногда у Андрея в гараже, иногда у Ангелины дома, когда отец был в настроении терпеть гостей.

Дом Ангелины всегда производил на них впечатление.

Дима первым заметил старые трофеи на стенах и начал спрашивать, как правильно высушить рога, чтобы их не повело. Андрей сразу пошёл к окну, за которым под навесом стоял отцовский пикап. Яна долго рассматривала коллекцию ножей в стеклянном шкафу и сказала, что у нормальных людей в гостиной обычно стоят фотографии, а не вещи, которыми можно вскрыть медведя.

Ангелина пожала плечами.

Для неё это и было нормально.

Отец не запрещал ей дружить. Он не запирал её дома и не устраивал сцен, когда Андрей, Дима и Яна приходили после школы. Просто перед их приходом он всегда убирал всё лишнее. Огнестрельное оружие исчезало с виду. Ящики запирались. Дверь в комнату с патронами становилась закрытой, а ключ оказывался у него в кармане.

На стенах оставались охотничьи трофеи, старые карты, ножи, бинокли, капканы и фотографии звериных следов. Этому друзьям хватало, чтобы считать её отца странным, но не опасным.

Про тренировки Ангелина не рассказывала.

Не потому что боялась наказания. Хотя и это тоже. Просто не знала, как объяснить, что для неё нормально уметь падать так, чтобы не сломать запястье, стрелять после бега, есть холодное мясо без соли и просыпаться от чужого шага раньше, чем человек успеет дойти до двери.

Друзья знали, что она охотится. Знали, что может уйти в лес на полдня и вернуться с добычей. Знали, что она пошла в отца, и говорили это без осуждения, почти с уважением.

Ангелине это нравилось.

Возможно, потому что она не знала, как может быть по-другому.

От Димы она узнала вещи, которым отец не учил или учил слишком мрачно. Дима объяснял мир через цифры, схемы и смешные школьные опыты. Он знал, что будет гореть ярко, что хлопнет громко, а что лучше не трогать, если не хочешь остаться без бровей.

Половина этих знаний была бесполезной подростковой дурью. Вторая половина однажды могла спасти жизнь.

Ангелина тогда этого не понимала. Ей просто нравилось, что Дима объясняет вещи спокойно, без отцовского «если ошибёшься, умрёшь». С ним даже опасные штуки казались не концом света, а задачей, у которой есть решение.

С Андреем всё было проще.

Им не нужно было много говорить.

Они могли провести весь день у старого пикапа, перебрасываясь короткими фразами, гайками и грязными тряпками. Он приносил детали для своей развалюхи, она находила способ поставить их так, чтобы машина хотя бы попыталась ехать. Отец иногда наблюдал за ними с крыльца, курил и молчал.

Андрей его не боялся.

Почти.

Однажды он сказал, что у её отца взгляд человека, который заранее знает, где будет могила.

Ангелина тогда ответила, что Андрей слишком много болтает.

Он не обиделся.

Только пожал плечами и полез обратно под капот.

На фотографии они все ещё были там, в том времени, где можно было спорить о двигателях, смеяться над запахом мёртвой белки и верить, что взрослые странности родителей не имеют отношения к будущему.

Ангелина смотрела на снимок дольше, чем собиралась.

А потом снова услышала в памяти голос из приёмника.

«...если вы дома, оставайтесь дома... не выходите на улицу...»

Она медленно перевела взгляд на Андрея.

На его ухмылку. На шлем под мышкой. На лицо человека, который всегда оборачивался на звук мотора первым.

Где ты сейчас?

Вопрос прозвучал внутри так отчётливо, что Ангелина почти обернулась.

Дима. Яна. Андрей.

Три имени, которые она слишком долго не произносила вслух.

Она положила фотографию на стол перед приёмником и вдруг поняла, что боится не только выйти наружу.

Она боится узнать, кто из них уже никогда не ответит.

ГЛАВА 5

Первая вылазка после дождя

Радиорубка молчала.

Она ещё несколько секунд смотрела на старую коробку с треснувшим пластиком, будто ждала, что голос вернётся. Что снова прорежется сквозь помехи, назовёт позывной, попросит не открывать дверь или хотя бы скажет что-нибудь человеческое.

Но в радиорубке стояла только тишина.

Тишина была плотной, почти осязаемой, из тех, что бывают не там, где ничего нет, а там, где всё прячется.

Ангелина поднялась со стула не сразу. Спина затекла, пальцы на правой руке онемели от того, что она слишком долго держала нож. Она заставила себя разжать ладонь, медленно, по одному пальцу, и только потом убрала клинок в ножны.

Фотография всё ещё лежала на столе перед приёмником.

Андрей смотрел с неё своей прежней ухмылкой. Не такой широкой, как у людей, которым действительно весело, а той самой, наглой, упрямой, будто он заранее спорил с миром и был уверен, что всё равно выкрутится. Дима щурился от солнца. Яна стояла рядом, чуть боком, и смотрела не в камеру, а на Ангелину.

Снимок всё ещё держал её там, где она когда-то была Линой.

Ангелина провела пальцем по краю снимка, но не стала убирать его обратно под карту. Пусть лежит. Иногда вещи должны оставаться там, где их больше всего видеть.

Она вышла из радиорубки и подошла к панели наружного наблюдения.

Сначала экран встретил её серой рябью. Потом полосы дрогнули, расплзлись в стороны, и камера неожиданно снова заработала.

Изображение было мутным, с помехами, будто лес смотрели через грязную воду, но всё же различимым. Ангелина наклонилась ближе.

Снаружи было слишком тихо.

Поваленная сосна, под корнями которой отец когда-то спрятал камеру, чернела в кадре мокрым боком. Ветки провисли под тяжестью воды. Земля перед входом казалась рыхлой и тёмной. На листьях и мху лежал странный белёсый налёт, тонкий, неровный, местами смытый дождём, местами собравшийся в липкие разводы. Он выглядел слишком липким для обычной грязи и слишком чужим для леса.

Ангелина поймала себя на том, что задержала дыхание.

Она не вышла сразу.

По привычке ещё раз скользнула взглядом по показаниям фильтров, хотя отлично помнила, что они в норме. Стрелка давления дрожала чуть ниже зелёной зоны, но не уходила в красную. Вентиляция работала неровно, с короткими глухими толчками, словно бункер тоже пытался дышать осторожнее.

Это была не проверка.

Это была пауза.

Несколько секунд, за которые можно было заставить себя не думать о белой вспышке. О сладком запахе дождя. О голосе отца с кассеты. О чужом мужчине в радио, который молился и говорил, что они бегут.

Ангелина медленно вдохнула, потом ещё раз, ровно и тихо, как учил отец.

Не потому что она хотела его слушаться. Просто некоторые вещи въедаются глубже обиды.

Она надела куртку, тяжёлую, отцовскую, с пропитавшимся запахом дыма, сырости и оружейного масла. Рука сама потянулась к ружью на стене. Старое двуствольное, надёжное, слиш-

ком знакомое, чтобы казаться оружием. Скорее инструментом. Как топор. Как нож. Как ключ от двери, за которой не должно быть никого живого.

Ангелина переломила стволы, убедилась, что два красных патрона уже лежат на месте, и только после этого вытащила из ящика ещё четыре.

Два красных и два синих.

Красные были с мелкой дробью, на птицу и мелкого зверя. Синие тяжелее, с крупной картечью, на большую дичь, если придётся стрелять близко и без права на ошибку. Она доставала их по одному, не торопясь, и складывала в карман куртки, где они легли привычно и плотно.

Отец всегда учил именно так. Не «бери побольше», а «бери ровно столько, сколько нужно, и чтобы каждый патрон был на своём месте». Он терпеть не мог людей, которые набивали карманы железом и называли это подготовкой.

«Лишний вес это не безопасность», говорил он. «Это способ умереть уставшей».

Она не помнила, когда в последний раз выходила наружу без этой короткой, почти ритуальной подготовки. Даже когда внутри всё кричало, что лучше остаться за закрытыми дверями. Даже когда хотелось лечь на койку, накрыться с головой и сделать вид, что мир наверху всё ещё тот же самый.

Но мир уже изменился.

Это было видно даже через мутный экран камеры.

Ангелина взяла фонарь, нож, флягу, маленькую аптечку и кусок вяленого мяса, который сунула во внутренний карман не потому, что хотела есть, а потому что отец всегда заставлял брать еду, если выходишь дальше крыльца.

Она подошла к гермодвери и положила ладонь на первый засов.

Не открывай дверь.

Голос отца прозвучал в памяти так ясно, будто он стоял за её спиной.

Ангелина замерла.

Запись сказала ждать до утра.

Она ждала.

Теперь было утро.

Или то, что осталось от утра.

Она откинула первый засов.

Потом второй.

Потом третий.

Каждый металлический щелчок казался слишком громким. Слишком окончательным.

За дверью был короткий внешний коридор, ведущий к люку. Узкий бетонный проход с низким потолком и облезлыми стенами. Здесь всегда пахло холодом, землёй и старым металлом. Сегодня к этому запаху примешивалось что-то ещё.

Запах был сладким, слабым и неправильным.

Ангелина остановилась на пороге.

Она посветила фонарём вниз. У основания люка собралась тонкая лужица. Вода просочилась через внешнее уплотнение, но дальше не прошла. На поверхности плавала белая пыль, похожая на размокшую известь.

Ангелина не стала касаться её рукой.

Она достала из кармана старую деревянную щепку, которую отец держал в ящике «на всякий случай», окунула самый кончик в воду и поднесла к свету.

На дереве остался мутный липкий след.

Запах был слабым, но всё равно пробирался внутрь, цеплялся за горло, за язык, за память о ночном дожде.

Ангелина бросила щепку в металлический лоток у стены и включила продувку внешнего коридора. Старый вентилятор загудел с задержкой, будто сначала хотел отказаться, потом всё-таки вспомнил, зачем его поставили.

Она ждала минуту, потом ещё одну.

Стрелка на маленьком манометре у двери не дрогнула.

Всё работало.

Пока.

Ангелина поднялась по ступеням к люку.

Смотровая щель показала кусок леса. Серое небо между ветками. Мокрый мох. Край маскировочной сетки. Ничего живого.

Она повернула колесо замка.

Металл поддался не сразу. Пришлось упереться плечом и провернуть ещё раз. Люк ответил низким скрежетом.

Слишком громким.

Ангелина замерла.

Лес молчал.

Не хорошо.

Никогда не хорошо.

Она приоткрыла люк на ладонь и остановилась.

Утро только начиналось.

Серый свет просачивался между деревьями, холодный и слабый, будто ночь ещё не до конца отпустила лес.

Холодный воздух ударил в лицо. Ангелина ждала, держа ружьё одной рукой, второй упираясь в металл.

Она отсчитала про себя три удара сердца, но снаружи ничего не изменилось.

Она открыла люк шире и вышла наружу.

Сначала Ангелина просто осмотрелась.

Не резко. Не суетливо. Так, как учил отец. Сначала ближний круг. Земля у ног, край люка, маскировочная сетка, поваленная сосна, мокрые кусты справа. Потом дальше. Стволы, склон, старая звериная тропа, просвет между деревьями.

Только после этого она подняла взгляд на запад.

Именно оттуда ночью доносился странный гул. Именно там небо вспыхнуло тем широким белым светом, который не был похож ни на молнию, ни на пожар, ни на что человеческое.

Ангелина знала этот лес лучше, чем большинство людей знали собственный дом. На западе, в двух или трёх милях отсюда, река разделяла берега. Весной она разливалась так широко, что старый мост казался ниткой над серой водой. Летом мелела, открывая камни и тёмные корни у обрыва. За рекой начиналась другая часть леса, более глухая, сырая, с низинами, где даже днём стоял холод.

И там, на другом берегу, находился тот самый дом.

Дом, который отец, по слухам, купил в спешке у старого лесника после того случая, когда Ангелине исполнилось восемнадцать. Люди тогда говорили разное. Что он заплатил наличными. Что не торговался. Что приехал ночью, забрал ключи, а уже через два дня перевёз туда дочь, инструменты, оружие, ящики с консервами и свою молчаливую злость.

Ангелина никогда не спрашивала, правда ли всё было именно так.

Они прожили в том доме ещё пару лет.

Потом появился бункер.

Или, правильнее сказать, отец его нашёл.

Так он тогда сказал.

Нашёл.

Ангелина ещё несколько секунд смотрела на запад, туда, где деревья сходились плотной серой стеной. За этой стеной была река. За рекой был старый дом. За домом было то прошлое, к которому она старалась не прикасаться лишний раз.

Потом она пошла.

Неторопливо. Не потому что не спешила, а потому что спешка в лесу всегда выдавала человека раньше, чем он успевал понять свою ошибку. Отец вбил это в неё давно. Лес не любит тех, кто ломится сквозь него с чужой уверенностью. Лес сначала смотрит. Потом слушает. И только потом решает, дать тебе пройти или забрать.

Сегодня лес не смотрел и не слушал.

Он молчал.

И это становилось всё заметнее с каждым шагом.

Ангелина шла между мокрыми стволами, обходя низкие ветки и стараясь не наступать на белёсые разводы, оставшиеся после ночного дождя. Воздух был влажным, тяжёлым, с тем самым сладковатым привкусом, от которого хотелось сплюнуть, хотя во рту было сухо. Ветки цеплялись за рукава отцовской куртки. Под подошвами мягко проседал мох.

Обычно к этому часу лес уже жил своей утренней жизнью. Где-то должны были ругаться сойки. В сухих ветках должна была шуршать мелочь. Дятел должен был бить по мёртвому стволу, а вороны лениво перекликаться над верхушками деревьев. Даже если зверь не показывался, он всё равно оставлял после себя движение, запах, сломанный побег, короткий звук в кустах.

Теперь этого не было.

Тишина не была простой пустотой. В ней чувствовалось что-то выжженное, будто всё живое вокруг либо спряталось слишком глубоко, либо исчезло за одну ночь.

Ангелина несколько раз останавливалась и слушала.

Ничего.

Только её дыхание. Только слабый скрип ремня на плече. Только далёкий, едва различимый шум воды впереди.

Река.

Она поймала этот звук и пошла на него.

В голове всё ещё крутились одни и те же мысли. Отец. Небо. Белая вспышка. Гул с запада. Радио. Борт три-три-три. Всё это складывалось в слишком аккуратную цепочку, и именно поэтому ей хотелось сломать её. Найти простое объяснение. Увидеть, что за деревьями не инопланетяне, не тайная война, не конец света, а что-то понятное, пусть даже страшное.

Авария.

Военные.

Пожар.

Что угодно, только не правота мёртвого человека, который половину жизни говорил с небом так, будто оно могло ответить.

Может, она шла туда не за ответом.

Может, просто хотела доказать себе, что отец ошибался.

Эта мысль задержалась неприятно долго.

Ангелина так глубоко ушла в неё, что не сразу заметила, как лес начал редеть. Стволы стали расходиться шире, свет впереди сделался ярче, а запах сырой земли сменился запахом воды, мокрого камня и речной тины.

Ещё несколько шагов, и она вышла к берегу.

Солнечный свет ударил в глаза резко, почти больно. Он отражался от широкой поверхности реки, дробился на воде белыми осколками, прыгал между камней и на секунду ослепил её. Ангелина прищурилась, подняла ладонь к лицу и остановилась у кромки леса.

Река была на месте.

Та же серая вода. Тот же низкий противоположный берег. Те же валуны у поворота, где течение всегда было сильнее. За рекой поднимался лес, более тёмный и густой. Где-то там, скрытый деревьями, стоял старый дом лесника.

Она уже хотела двинуться ниже, к удобному спуску, когда заметила движение у самой воды.

Сначала ей показалось, что это тень от ветки.

Потом тень подняла голову.

Олень.

Ангелина замерла.

Он стоял всего в двадцати шагах от неё, огромный, старый, с тяжёлой шеей и широкими рогами. Такие звери редко доживают до такой силы просто так. Они не подходят близко. Не стоят на открытом берегу, когда ветер несёт к ним человеческий запах. Не позволяют человеку увидеть себя раньше, чем сами решат исчезнуть.

Этот не исчезал.

Он стоял у воды, широко расставив ноги, и жевал что-то тёмное у самой кромки берега.

Вот так номер, подумала Ангелина.

Она даже не сразу испугалась. Сначала пришло недоверие. Простое, почти охотничье. Такого быть не могло.

Олень должен был учуять её ещё до того, как она вышла из леса. Ветер шёл не идеально, но достаточно, чтобы донести запах человека. Под ногами у неё пару раз хрустнула тонкая ветка. Ремень ружья скрипнул. Любой старый самец давно бы поднял голову, напряг уши и ушёл в кусты, оставив после себя только качнувшуюся траву.

Этот продолжал есть.

Ангелина вспомнила другую охоту.

Ей тогда было пятнадцать или шестнадцать. Они с отцом три дня выслеживали похожего оленя на северной стороне хребта. Тот зверь был осторожен до злости. Он обходил приманку по кругу, уходил против ветра, сбивал след в ручье и дважды заставлял их возвращаться почти с пустыми руками. Отец тогда почти не говорил. Только показывал жестами, где лечь, когда замереть, куда смотреть.

На третий день они нашли его на дальнем склоне.

Олень стоял между двумя соснами, едва видимый через ветки. До него было около двухсот шагов, может, чуть меньше. Отец долго смотрел в оптику. Ангелина лежала рядом в мокрой траве и слышала, как у неё стучит кровь в ушах.

Выстрел прозвучал сухо.

Зверь упал почти сразу.

Потом отец долго стоял над ним молча. Не торжествовал. Не улыбался. Только провёл ладонью по тёплой шее и сказал, что такой зверь не делает глупостей. Если он дал подойти, значит, либо старость взяла своё, либо человек оказался терпеливее.

А здесь было двадцать шагов.

Двадцать.

И олень даже не смотрел на неё.

Ангелина чуть сдвинула ружьё с плеча, не поднимая ствола. Вгляделась в то, что лежало у воды.

Сначала она увидела шерсть.

Серую, мокрую, свалившуюся.

Потом лапу.

Потом раскрытую пасть.

По спине прошёл холод.

Олень жрал волка.

Не траву у воды. Не кору. Не солёную землю, как иногда бывало у копытных. Он рвал зубами волчью тушу, дёргал головой, удерживая мясо, и жевал медленно, тяжело, будто делал то, для чего его тело вообще не было создано.

Ангелина не двигалась.

В голове вспыхивали вопросы, слишком быстрые и бесполезные. Как. Почему. Волк должен был напасть на него, а не лежать у него под ногами. Олень должен был бежать от крови, от хищника, от человека, от всего этого места. Олень не должен был есть мясо.

Так не бывает.

Она поняла, что слишком долго смотрит на одно и то же.

Голос отца в памяти ударил коротко и зло.

Не замирай.

Ангелина моргнула, словно её действительно окликнули, и только тогда олень поднял голову.

Он сделал это резко. Неправильно резко для старого зверя. Шея дёрнулась вверх, рога качнулись, с морды сорвалась тёмная мокрая капля и упала на камень.

Олень уставился прямо на неё.

Теперь она увидела его морду.

И весь холод, который до этого только касался спины, прошёл глубже.

Морда была обезображена. Не просто испачкана кровью. На губах и нижней челюсти темнели рваные раны, будто зверь пытался грызть что-то слишком жёсткое и не чувствовал боли. Из пасти вываливались куски мяса. Язык свисал набок, тяжёлый, распухший, чужой, будто держался во рту только по ошибке.

Глаза были мутными, но смотрели осознанно.

Слишком осознанно.

Олень сделал шаг вперёд.

Только теперь Ангелина заметила заднюю ногу. Она волочилась за ним, будто принадлежала не живому телу, а привязанной к туше сломанной ветке. Копыто чертило по мокрому песку кривую линию. Мышцы под шкурой дёргались неправильно, не в такт остальному телу.

Олень снова шагнул.

Ангелина не двигалась.

Она не успела решить, стрелять или отступить. Не успела даже до конца понять, что видит перед собой. В голове всё ещё стоял один тупой вопрос: как зверь с такой ногой вообще держится на земле?

Ответа не было.

В следующую долю секунды олень сорвался с места.

Неуклюже, страшно, на трёх ногах, но слишком быстро. Он не побежал так, как должен был бежать раненый зверь. Он рванулся к ней рысью, низко опустив голову, с перекошенной мордой и болтающимся языком. Песок брызнул из-под копыт. Рога качнулись, цепляя свет.

Ангелина сработала раньше, чем успела испугаться.

Ружьё слетело с плеча в руки почти само. Она вскинула его, взвела оба курка одним знакомым движением и нажала на спуск.

Два выстрела прозвучали почти одновременно.

Звук ударил по берегу, отскочил от воды и ушёл в лес тяжёлым глухим эхом. Ангелина даже не успела подумать о том, что в стволах стояли красные. Мелкая дробь ударила в грудь оленя плотным облаком. Часть прошла выше, пробила шею и задела челюсть так, что её резко повело в сторону. Другая часть ударила ниже, перебив переднюю ногу.

Олень качнулся.

На мгновение его огромная туша будто зависла в воздухе, не понимая, куда падать. Потом он рухнул боком на мокрый песок, тяжело, с хриплым выдохом, от которого у Ангелины неприятно сжалось горло.

Она не опустила ружьё.

И правильно сделала.

Олень зашевелился.

Сначала дёрнулась шея. Потом передняя часть тела поднялась на остатке силы, которая не должна была у него остаться. Перекошенная челюсть висела набок. Одна нога не слушалась вовсе, другая скребла песок, выбивая из берега влажные комья. Он пытался встать на двух оставшихся ногах, но тело не держалось, и тогда зверь просто пополз к ней.

Не от неё.

К ней.

Ангелине стало страшнее, чем в момент броска.

Потому что это уже не было похоже на нападение животного. Это было похоже на ошибку природы, которая не знала, что должна умереть.

Она переломила ружьё, вытащила пустые красные гильзы и сунула руку в карман. Пальцы сами нашли два синих патрона, тяжёлых, предназначенных для крупной дичи. Она вложила их в оба ствола, закрыла ружьё и подняла приклад к плечу.

Олень всё ещё полз.

Медленно.

Упрямо.

Слишком живой для того, что с ним уже случилось.

Следующий выстрел пришёлся в голову.

Второй ствол остался заряженным.

Туша оленя дёрнулась и упала окончательно.

На этот раз он больше не шевелился.

Ангелина ещё несколько секунд держала ружьё наведённым на голову оленя.

Потом медленно опустила ствол.

Берег снова стал тихим. Слишком тихим после выстрелов. Вода шла своим ходом, обтекала камни, несла по поверхности мелкие ветки и обрывки пены. На том берегу лес стоял неподвижной тёмной стеной. Где-то за ним был старый дом. Где-то дальше мог быть источник белой вспышки и гула.

Но Ангелина уже не пошла на запад.

Не сейчас.

Она попятилась, не сразу поворачиваясь к туше спиной. Отец всегда говорил, что если что-то однажды нарушило правило, оно может нарушить и второе. Мёртвое должно лежать. Раненое должно бояться. Олень не сделал ни того, ни другого.

Этого хватило.

Ангелина вернулась в лес почти бегом, хотя сама себе запретила бы это ещё минуту назад. Ветки хлестали по куртке, мокрый мох скользил под подошвами, ружьё тяжело билось о ладонь. Несколько раз она останавливалась на полшага, заставляя себя слушать, но тишина только подгоняла сильнее.

К бункеру она вышла с пересохшим горлом и злостью на собственное дыхание.

Люк открылся не сразу. Металл показался тяжелее, чем утром. Ангелина спустилась внутрь, закрыла за собой внешний контур и только потом позволила себе прислониться спиной к холодной стене.

Руки дрожали.

Не сильно.

Достаточно, чтобы она это заметила.

Она поставила ружьё к стене, вытащила пустые гильзы, положила их на край стола и пошла к щитку питания. Основные аккумуляторы держали заряд, но радиоблок в последнее время работал через раз, а после ночных помех отец наверняка сказал бы не экономить на связи.

Ангелина повернула ключ резервного питания и включила генератор.

Сначала в глубине бункера что-то щёлкнуло. Потом старый двигатель кашлянул, захлебнулся, снова кашлянул и наконец загудел ровно, низко, с тяжёлой вибрацией, которая пошла по стенам и полу. Лампочка над столом вспыхнула ярче. Вентиляция перестала дышать толчками и потянула ровнее.

А в радиорубке заговорил приёмник.

Не сразу словами. Сначала коротким треском, потом свистом, потом серией резких щелчков. Ангелина застыла у щитка.

Голос прорвался сквозь помехи чуть чётче, чем раньше, но всё равно распадался на куски. Мужской, хриплый, с военной жёсткостью в тоне. Он говорил так, будто повторял одно и то же уже много раз и не был уверен, что его вообще кто-нибудь слышит.

«...майор... группа... приём... сектор...»

Помехи захлебнули фразу.

Ангелина медленно пошла к радиорубке.

«...координаты... три... севернее... повторяю... не подходить...»

Снова треск. Снова пустота. Потом голос вернулся резче, почти криком.

«...они жрут людей... слышите?.. Жрут друг друга... заражение через укус... через кровь... не подпускать...»

Ангелина остановилась у дверного проёма.

Приёмник шипел, захлёбывался, будто внутри него кто-то пытался говорить из-под воды. Между словами прорывались отдельные цифры, названия точек, обрывки координат. Что-то про западный сектор. Что-то про переправу. Что-то про группу, которая не вышла на связь. Полной картины не было. Только осколки.

Но некоторые фразы повторялись.

По кругу.

Через помехи. Через треск. Через чужое дыхание у микрофона.

«...люди нападают на людей...»

«...заражение после контакта...»

«...корпус не останавливает...»

«...только мозг... слышите?.. Только мозг...»

Ангелина подошла ближе и опёрлась рукой о край стола.

Голос снова сорвался, потом вернулся, уже тише.

«...повредить мозг любым способом... повторяю... любым способом... стрелять в голову... пробить череп... иначе они поднимаются... иначе продолжают двигаться...»

Помехи разорвали передачу на несколько секунд.

Ангелина смотрела на приёмник и пыталась сложить услышанное в порядок.

Люди жрут друг друга.

Заражают через укус и кровь.

Выстрел в тело не останавливает.

Нужно повредить мозг.

В голове всплыл олень на берегу. Перебитая нога. Развороченная грудь. Перекошенная челюсть. И то, как он всё равно полз к ней, загребая песок тем, что ещё могло двигаться.

Только после выстрела в голову он перестал шевелиться.

И теперь, если голос в радио не врал, ей, возможно, придётся делать то же самое с людьми.

Мысль пришла холодно и просто. Без крика, без истерики, без той красивой дрожи, которую показывают в фильмах, когда человек впервые понимает, что должен убить другого человека. У Ангелины этого впервые уже не было.

Людей она уже убивала.

Не так. Не из ружья. Не в лесу после белого дождя. Но убивала. И память об этом всё ещё лежала внутри, как закрытая дверь, к которой она старалась не подходить без необходимости.

От этого становилось только хуже.

Олень на берегу почему-то пугал сильнее. Не потому что был опаснее человека. Люди всегда были опаснее. Отец повторял это достаточно часто, чтобы она возненавидела саму фразу. Но человек, даже самый страшный, оставался в пределах понятного. У него были глаза, злость, страх, боль, выбор, пусть даже плохой.

У оленя выбора не было.

Он был сломан, прострелен, почти мёртв и всё равно полз к ней, будто внутри него осталось только одно чужое приказание.

Ангелина медленно опустилась на стул.

Радио продолжало говорить, но теперь она уже не пыталась поймать каждое слово. Главное прозвучало достаточно раз, чтобы перестать быть случайностью.

«...если слышите... не подходите... не открывайте... мозг... только мозг...»

Голос майора снова утонул в помехах.

На старой карте отца красные линии всё так же уходили в небо.

ГЛАВА 6

Три пропущенных

После радиопередачи первой мыслью Ангелины было собрать вещи.

Не много. Много не унесёшь. Ружьё, патроны, нож, аптечка, фляга, немного еды на первое время, фонарь, карта, запасные батарейки. Всё то, что может понадобиться, если придётся уходить быстро и без возможности вернуться.

Мысль была такой чёткой, что Ангелина уже почти поднялась со стула.

Потом замерла.

Это была не её мысль.

Не до конца её.

Сначала собрать вещи. Потом проверить выход. Потом выбрать направление. Потом уйти до того, как станет поздно.

Отец.

Он снова оказался у неё в голове, как будто и не умирал. Как будто стоял за спиной в своей старой рубашке, хмурый, небритый, с этим вечным взглядом человека, который заранее видел худший вариант и считал все остальные временной ошибкой.

Ангелина медленно выдохнула.

Потом неожиданно усмехнулась.

Куда бежать?

Она оглянулась на стены бункера, на стол, на радиоприёмник, на карту с красными линиями, на закрытую гермодверь. Возможно, прямо сейчас она находилась в самом безопасном месте на многие мили вокруг. Под землёй. За металлом и бетоном. С водой, фильтрами, оружием и запасами, которых одному человеку хватило бы очень надолго.

Если считать строго, больше чем на год.

Если считать по отцовским нормам, ещё дольше.

Еда. Вяленое мясо. Консервы. Крупы. Соль. Сахар. Сухие овощи. Фильтры. Инструменты. Медикаменты. Запасные детали. Старые аккумуляторы, которые отец зачем-то держал даже тогда, когда Ангелина называла их мёртвым хламом. Провода, предохранители, лампы, ремни, прокладки, канистры с топливом.

Отец будто знал всё, что может пригодиться.

Или просто боялся всего сразу.

Но результат был один.

Здесь можно было жить.

Техника могла ломаться, но почти всё внутри можно было починить. Отец оставил схемы, подписи, ящики с инструментами и свои раздражающие пометки на куске картона, прикрученном над щитком питания. Даже наружные системы были рассчитаны на то, чтобы к ним не приходилось лезть каждый день. Вентиляционный забор, маскировка люка, камера под корнями поваленной сосны, кабель к солнечной панели, старая дренажная решётка у склона. Всё это нужно было проверять, но не постоянно.

Раз в месяц.

Может, чаще теперь.

Но не сейчас. Не сразу. Не так, как требовал чужой голос внутри её головы.

Ангелина провела ладонью по лицу.

«Ну и пусть», сказала она тихо.

Голос прозвучал сухо и почти равнодушно.

Она всегда была одна.

Даже тогда, когда отец ещё был в здравом рассудке. Если он вообще когда-нибудь был в нём полностью. Даже тогда, когда в доме звучали чужие голоса, когда Андрей смеялся в гараже, Дима спорил о проводах, а Яна закатывала глаза и называла их всех ненормальными. Даже тогда Ангелина где-то внутри оставалась отдельно.

После того случая это просто стало заметно всем.

Вряд ли теперь был хоть кто-то, кто ещё помнил о ней по-настоящему.

Эта мысль не ударила.

Она просто легла рядом с остальными. Холодная, тяжёлая, привычная.

Ангелина поднялась со стула и пошла к койке. Хотела сесть, снять куртку, проверить ружьё, заставить руки перестать дрожать. Но взгляд вдруг зацепился за маленький экран над кроватью.

Он моргнул.

Слабым зелёным светом.

Ангелина остановилась.

Телефон.

Она почти забыла о нём.

Старый кнопочный телефон висел высоко над кроватью на тонкой верёвке, зацепленной за гвоздь в стене. Отец когда-то сам нашёл это место. Единственную точку в бункере, где связь иногда ловила хотя бы одну полоску, если телефон висел ровно, не касался бетона и погода наверху была достаточно милостива.

Ангелина тогда сказала, что это глупость.

Отец ответил, что глупость это иметь связь и не знать, где она появляется.

С тех пор телефон так и висел над койкой, как странный талисман из другого мира. Зарядка была протянута к маленькому блоку питания, экран почти всегда спал, а сама Ангелина вспоминала о нём всё реже. Да и с кем ей было говорить?

В телефонной книге было два номера.

Папа.

Андрей.

Первому она уже не могла позвонить.

Второму почти не звонила сама.

Она встала на кровать, потянулась вверх и сняла телефон с крючка. Пластик был тёплым от слабого питания, кнопки чуть липли под пальцами. На экране светился значок сети.

Одна полоска.

Потом телефон дрогнул в руке и показал уведомление.

Три пропущенных вызова.

Ангелина несколько секунд смотрела на экран, не сразу понимая, почему внутри стало так тихо.

Все три были от Андрея.

Последний - час назад.

Ангелина вздрогнула.

Не от звука. Телефон молчал. Экран просто светился в её ладони, показывая три пропущенных вызова от человека, которого она слишком долго убеждала себя не ждать.

Внутри что-то щёлкнуло.

Так же, как тогда.

В тот последний день, когда она видела всех троих вместе.

Они тогда сидели на берегу реки. Андрей хвастался, что прошёл отбор и теперь у него всё будет по-настоящему: рев моторов на старте, девушки с табличками, вспышки камер, первое место и закат, в который он обязательно уедет с какой-нибудь длинноногой красавицей.

Яна сказала, что с такой фантазией ему лучше писать дешёвые романы.

Дима засмеялся.

Ангелина, не поднимая глаз от удочек, бросила, что куклы без мозгов обычно плохо переносят запах бензина.

Андрей обиделся ровно на три секунды.

Потом тоже засмеялся.

Тогда ещё всё было нормально.

Потом к берегу подъехал красный джип.

Из машины вышли трое.

Бритые головы, тяжёлые плечи, слишком громкие голоса. Они были старше. Крупнее. И сразу вели себя так, будто берег, река, воздух и все люди вокруг уже принадлежали им.

Ангелина в тот момент спустилась ниже, к воде, проверить удочки. Она слышала голоса, но сначала не повернулась. Андрей умел нарываться на конфликт даже там, где нормальный человек просто промолчал бы.

Потом раздался звук удара.

Не кулака.

Стекла.

Когда Ангелина поднялась обратно на берег, Андрей лежал на земле без сознания. Волосы у виска слиплись от крови. Рядом валялась разбитая бутылка.

Он не видел того, что произошло потом.

Дима был скрючен у колеса джипа. Двое били его ногами, не зло даже, а лениво, как будто развлекались.

Яна сидела на песке, бледная, с мокрым лицом. Третий держал её за плечо и тянул к себе, пытаясь залезть рукой под платье.

И тогда внутри Ангелины что-то выключилось.

Страх ушёл.

Злость тоже.

Осталась только тишина.

Та самая, которой отец учил её годами.

Сначала убрать угрозу.

Потом думать.

Ангелина моргнула.

Бункер вернулся на место.

Нужно срочно перезвонить Андрею.

Она нажала вызов.

Телефон несколько секунд молчал, потом коротко пискнул и сбросил.

Нет сети.

Ангелина поднялась на кровать, вытянула руку вверх, почти упёрлась пальцами в бетонный потолок и снова нажала кнопку вызова. Телефон поймал одну полоску, потерял её, снова нашёл и опять погас.

Вызов не пошёл.

Она попробовала ещё раз.

И ещё.

Бесполезно.

Даже в единственном месте бункера, где связь иногда появлялась, теперь была только пустота.

Ангелина несколько секунд смотрела на экран.

Потом спрыгнула с кровати.

Не подумав.

Не проверив список.

Не взяв куртку.

Она просто сунула телефон в ладонь, схватила ружьё, которое стояло у стены, и пошла к выходу так быстро, что плечом задела край стола.

Обычно в этот момент в голове уже звучал бы отец.

Проверь фильтры. Проверь дверь. Проверь оружие. Проверь, куда отступать. Не выходи на эмоциях. Не беги туда, где тебя ждут.

Но сейчас его голоса не было.

Или она просто не слушала.

Засовы открылись один за другим. Слишком быстро. Слишком громко. Ангелина почти взлетела по ступеням к люку, провернула колесо замка и выбралась наружу.

Холодный воздух ударил по голым рукам.

Только тогда она поняла, что вышла без куртки.

Плевать.

Она подняла телефон над головой и пошла вверх по склону, туда, где деревья редели и связь иногда цеплялась за мир. Экран мигал. Полоска появлялась и исчезала. Ангелина шла быстрее, почти не глядя под ноги.

Когда сеть наконец появилась, она сразу нажала вызов.

Один гудок.

Второй.

Третий.

На третьем Андрей взял трубку.

Сначала Ангелина слышала только дыхание.

Рваное, хриплое, будто человек говорил сквозь кровь или дым.

Потом голос.

«Лина...»

Она вцепилась пальцами в телефон так сильно, что пластик скрипнул.

«Андрей?»

На той стороне было тихо.

Не спокойно. Именно тихо, как бывает после слишком сильного шума, когда уши ещё помнят крики, а вокруг уже ничего не происходит.

Связь хрустнула помехами, и голос Андрея прорвался снова.

«Лина, помоги... я на стадионе... люди обезумели... я не знаю, что делать...»

Ангелина резко оглянулась на лес, будто опасность могла услышать его через её телефон.
«Где именно?»

«Под трибунами... какая-то служебная комната... я закрыл дверь... там ящик... я подпер дверь ящиком... я не знаю зачем... просто держал её...»

«Как ты туда попал?»

«После аварии. Там болид врезался в опору, сетка рухнула. Меня отрезало от трассы. Рядом была лестница вниз, под трибуны. Я просто скатился туда, Лина. Там служебный проход... маленькая дверь... я её закрыл».

«Сетка видна сверху?»

«Должна быть. Она прямо у стены, возле перекошенной опоры. Там ещё болид разбитый рядом... или то, что от него осталось».

«Хорошо. Не выходи. Я найду».

Он закашлялся. Кашель вышел мокрым.

«Ты ранен?»

Пауза.

Слишком длинная.

«Не знаю».

«Андрей».

«Голова... бок... меня швырнуло после взрыва. Я выбрался из машины, потом... потом всё пошло к чёрту».

Ангелина закрыла глаза всего на мгновение.

Стадион.

Гонки.

Люди.

Дождь.

Он был там.

«Слушай меня внимательно», сказала она.

Её голос стал ниже. Спокойнее. Настолько спокойнее, что она сама почти не узнала его.

«Не открывай дверь. Вообще. Кто бы ни стучал, что бы ни говорил, не открывай».

«Они не говорят», прошептал Андрей.

«Они бегали. Лина, они просто бегали и жрали людей. Я видел, как один...»

Голос сорвался.

«Не рассказывай. Слушай. В комнате есть вода?»

«Нет. Не знаю. Тут темно».

«Свет?»

«Фонарь телефона. Заряд почти сел».

«Оружие? Инструменты? Что-нибудь тяжёлое?»

Андрей шумно вдохнул.

«Металлический ящик. Кабели. Какая-то стойка. Похоже на кладовку техников».

«Хорошо. Не трогай дверь без необходимости. Ящик оставь на месте. И не стой прямо перед входом. Просто на случай, если кто-то всё-таки найдёт дверь».

«Лина...»

«Что?»

«Они не умирают».

Ангелина замолчала.

Перед глазами всплыл олень на берегу. Перебитая нога. Челюсть набок. Тело, которое всё равно ползло к ней.

«Умирают», сказала она. «Но не так, как раньше».

«Что это значит?»

Она посмотрела на телефон, будто он мог выдержать правду лучше, чем Андрей.

«Голова. Только голова. Если придётся, бей в голову. Ломай череп. Не в грудь, не в живот.

Понял?»

На той стороне стало тихо.

«Ты откуда это знаешь?»

«По радио передали».

«По радио?»

«Потом. Сейчас не важно».

Связь на секунду провалилась. В трубке зашипело, голос Андрея распался на куски.

«...не могу... тут... они наверху...»

«Андрей!»

«Я здесь».

«Сколько их рядом?»

«Не знаю. У двери тихо. Вообще тихо. Это хуже всего. Я просидел тут больше двух часов, Лина. Сначала наверху кричали, бегали, что-то ломали. Потом всё начало стихать. Кажется, они разбежались. В разные стороны. Искали тех, кто ещё живой».

Ангелина начала быстро считать в голове.

Стадион был далеко. Слишком далеко, если идти пешком. Сначала ей нужно было добраться до старого моста через реку, того самого хлипкого моста, по которому давно уже никто не ходил. Потом ещё три мили на запад, до места, где заканчивался лесной проход и где отец когда-то спрятал пикап под листвой и ветками. Только оттуда можно было ехать. Дальше — старая лесная дорога, трасса, город и стадион. Слишком много неизвестного.

Слишком мало времени.

«Ты должен оставаться там», сказала она.

«Я не хочу здесь оставаться».

«Я не спрашиваю, чего ты хочешь».

Он коротко, почти беззвучно рассмеялся. Нервно. Плохо.

«Да. Это точно ты».

Ангелина почувствовала, как что-то сжалось в груди.

«Слушай меня. Экономь батарею. Выключи фонарь, если можешь. Не двигай ящик и не шуми у двери. Ты правильно сделал, что не полез наружу».

«Я ничего не сделал», сказал Андрей.

Голос у него стал глуше.

«Я просто сидел. Держал эту чёртову дверь, хотя к ней никто даже не подходил. Сидел и боялся пошевелиться. Только потом вспомнил про тебя».

«Ты придёшь?»

Ангелина посмотрела на лес.

На запад.

Туда, где был мост, река, старый дом, спрятанный пикап и дорога, которая могла уже не принадлежать людям.

Она должна была сказать, что не знает.

Должна была сказать, что это слишком далеко.

Должна была сказать, что разумнее остаться в бункере.

Но вместо этого сказала:

«Да».

И в ту же секунду поняла, что обратного пути больше нет.

ГЛАВА 7

Образец №33

В бункер Ангелина вернулась уже другой.

Не спокойной. Спокойствия в ней не было. Скорее собранной, почти злой. Той злостью, которая появляется, когда страх не уходит, но получает задачу и больше не имеет права мешать.

Она закрыла за собой внешний контур, провернула засовы и несколько секунд стояла у двери, прислушиваясь к глухому гудению вентиляции.

Теперь нужно было собраться.

Не как утром. Не на короткую вылазку до реки. Путь впереди был длиннее, грязнее и опаснее. Старый мост, три мили лесом до спрятанного пикапа, потом старая лесная дорога, трасса, город и стадион. Слишком много пути. Слишком мало времени. Много она не унесёт.

Да и не нужно много.

Отец всегда говорил, что лишний вес убивает тише, чем враг. Сначала устают ноги. Потом спина. Потом голова. Потом человек начинает бросать нужное и оставлять бесполезное, потому что уже не думает, а просто хочет идти легче.

Ангелина сняла с плеча ружьё, поставила его к столу и открыла старый рюкзак. Тот самый, с потёртыми лямками, пятнами смолы на клапане и маленьким прожжённым кружком сбоку. Когда-то она брала его на охоту. Потом к водопаду. Потом к старому дому за рекой. Теперь он снова лежал перед ней, как будто всё это время просто ждал.

Она расстегнула ремни и перевернула рюкзак над столом.

Содержимое вывалилось тяжёлой, неровной кучей.

Старая верёвка. Ржавая жестянка с рыболовными крючками. Пустая коробка от патронов. Сложенный дождевик. Ножны без ножа. Кусок бечёвки. Несколько сухих листьев, неизвестно когда набившихся в боковой карман. Маленький фонарь без батареек. Смятая тряпка.

И карта.

Она выпала последней.

Соскользнула со стола, раскрылась в воздухе и легла на бетонный пол лицом вверх.

Ангелина замерла.

Карта была старая, потёртая на сгибах, с пятнами влаги и тёмными отметками по краям. Не та карта леса, которую отец держал на стене в радиорубке. Эта была другой. Более грубой, с военными обозначениями, с линиями, которые не совпадали с обычными тропами, и красной точкой там, где сейчас находился бункер.

Она нагнулась, чтобы поднять её.

И пальцы остановились над бумагой.

Память сработала раньше, чем она успела себя остановить.

Когда отец увёз Ангелину из лесного городка, она ещё не понимала, что прощается не с местом.

С местами проще. К ним можно вернуться. Можно пройти по той же улице, остановиться у того же гаража, посмотреть на старую лесопилку, на тропу к водопаду, на окна домов, где когда-то горел свет и кто-то ждал тебя после школы.

С людьми было хуже.

Последний раз она видела всех троих вместе ещё до переезда, на берегу реки, в тот день, после которого всё и сломалось.

Она старалась не вспоминать его целиком.

Не сейчас.

Не перед дорогой.

После того дня Дима и Яна отдалились так быстро, будто между ними и Линой выросла не дорога, а бетонная стена. Андрей тоже изменился, но не исчез. Возможно, потому что он единственный лежал без сознания и не видел того, что произошло потом.

Ангелина отвечала не всегда.

Не из злости. Просто она никогда не относилась к телефону как к чему-то важному. Её не тянуло часами сидеть в сети, переписываться ни о чём, зависать в чужих фотографиях и чужой жизни. В её старом кнопочном телефоне было всего два номера.

Папа.

Андрей.

Иногда этого казалось даже слишком много.

Дом отец купил быстро.

Слишком быстро.

Так быстро, что Ангелина долго не могла отделаться от ощущения, будто он не искал его, а просто ждал момента, когда придётся туда уехать. Вещи у них и до этого всегда были наполовину собраны. После смерти матери в её комнате стояли коробки, закрытые, подписанные, покрытые тонким слоем пыли. Отец не разрешал их разбирать и не объяснял почему.

«Потом», говорил он.

Это «потом» длилось годами.

Старый пикап тоже всегда был готов. Бак почти никогда не опускался ниже половины. Даже когда Ангелина брала машину, чтобы съездить с друзьями к водопаду с ночёвкой, отец потом молча доливал бензин до полного. Она замечала это не сразу. Потом стала замечать каждый раз. Стрелка могла дрогнуть после поездки, но к утру снова стояла там, где отец хотел её видеть.

На случай чего.

Он часто говорил эту фразу.

Не объясняя, какого именно случая ждёт.

Дом, по его словам, принадлежал старому леснику, с которым он когда-то охотился. Ангелина этого лесника ни разу не видела. Не слышала его голоса. Не видела следов его жизни, кроме самого дома, спрятанного за рекой, в более сырой и глухой части леса.

Дом оказался меньше прежнего и заметно ветхее. Доски на крыльце пружинили под ногами. Крыша местами просела. В углах пахло мышами, сыростью и старым дымом. Ангелина ждала, что отец сразу начнёт всё переделывать под себя, как делал всегда. Он не терпел чужого порядка. Чужих полок. Чужих гвоздей в стенах. Чужих привычек, оставленных в доме после хозяина.

Но здесь он почти ничего не тронул.

Это насторожило её сильнее скрипучих полов и тёмных окон.

Отец ходил по комнатам молча, проводил рукой по дверным косякам, открывал ящики, проверял щеколды, заглядывал в кладовку и почему-то ни разу не поморщился. Всё будто уже стояло там, где должно было стоять. Топор у печи. Полка с инструментами. Старый фонарь на гвозде рядом с задней дверью. Верёвка, смотанная в кольцо под лестницей.

Словно лесник, у которого он купил дом, был его копией.

Или словно никакого лесника никогда не было.

В тот день Ангелина ещё не позволила себе такую мысль.

Она списала всё на усталость. На переезд. На отца, который после того случая стал ещё тише и злее. На собственное желание не задавать вопросов, потому что любой вопрос мог открыть дверь, за которой лежало то, о чём они оба не говорили.

Через несколько дней отец спустился в подвал.

Ангелина тогда сидела на кухне, разбирая коробку с посудой. Над головой скрипели доски, за стеной потрескивала печь, а из подвала доносились глухие шаги отца.

Потом шаги стихли.

Слишком надолго.

Она отложила чашку и подошла к лестнице.

Отец стоял в дальнем углу подвала перед небольшим сейфом, вмурованным в стену так аккуратно, что его можно было не заметить годами. Дверца была тёмная, с шестизначным кодовым замком. Ангелина успела подумать, что отец сейчас позовёт её за ломом или начнёт ругаться на старого лесника.

Вместо этого он просто набрал код.

Ноль. Три. Ноль. Три. Девять. Три.

030393.

Замок щёлкнул сразу.

Сейф открылся так легко, будто ждал именно его пальцев.

Отец несколько секунд смотрел внутрь, а потом тихо пробормотал:

«Надо же. Когда я успел поставить этот пароль?»

Ангелина услышала фразу не полностью, но достаточно, чтобы внутри стало неприятно пусто.

Он сказал это не как шутку.

И не как человек, который поймал себя на ошибке.

Он сказал это буднично, почти спокойно, словно действительно пытался вспомнить, когда успел сделать то, чего, по его же словам, никогда не делал.

Тогда она ещё не знала, что дом всегда принадлежал ему.

Что старый лесник мог быть не человеком, а дырой в памяти, на которую отец накинуд чужое имя, чтобы не видеть правду.

Что код был не случайным набором цифр.

Это была дата её рождения.

Отец достал из сейфа что-то небольшое. Ангелина не успела рассмотреть. Металлический предмет или коробку. Потом он вынул сложенный лист бумаги. Старый, потёртый, с тёмным краем. Когда он повернулся к выходу, она заметила только обрывок линий и несколько отметок, похожих на часть карты.

На лице отца была улыбка.

Ангелина почти никогда не видела его улыбающимся. Не так. В этой улыбке не было тепла. Не было радости. Она была слишком неподвижной, слишком чужой, будто лицо вспомнило выражение, которым давно не пользовалось, и теперь не знало, как правильно его держать.

«Не жди меня на ужин», сказал он.

Он поднялся вверх, взял куртку, ключи от пикапа и вышел так быстро, будто боялся передумать.

Через минуту двигатель старой машины взревел у крыльца. Потом фары скользнули по окну, выхватили из темноты мокрые стволы, и пикап умчался по лесной дороге.

После этого отец начал пропадать чаще.

Он уезжал один. Возвращался поздно. Иногда пах землёй, ржавчиной и холодным бетоном. Иногда привозил в кузове ящики и не разрешал Ангелине помогать разгружать. Иногда, наоборот, заставлял её таскать вещи молча, не спрашивая, куда они потом исчезают.

Она тогда решила, что он снова провалился в свои теории. НЛЮ. Сигналы. Правительственные объекты. Небо, которое врёт первым.

Только теории эти были не из компьютера. Отец к компьютерам относился почти с брезгливостью. Он мог разобрать рацию, перепаять плату, собрать усилитель из чужого хлама и вывести камеру на старый экран, но перед обычным ноутбуком становился злым и беспомощным. Все его доказательства жили в другом мире: газетные вырезки, кассеты, карты, радиосумы, пометки на полях и чужие голоса, пойманные ночью на старом приёмнике.

Ей было проще считать это помутнением рассудка.

Проще, чем признать, что отец нашёл на старой карте координаты военного бункера.

И что бункер, как и дом, уже принадлежал ему задолго до того, как он якобы нашёл его в лесу.

Ангелина моргнула.

Бетонный пол бункера снова оказался перед глазами. Карта лежала у её ног, раскрытая на том самом месте, где красная отметка упиралась в пустой участок леса, которого не было ни на одной обычной карте.

Она подняла её осторожно, почти как вещь, которая могла обжечь.

Сейчас всё это уже не казалось просто отцовским безумием.

И времени разбираться в этом не было.

Ангелина положила карту на стол и начала собирать рюкзак заново.

Теперь уже без старого мусора.

Еда. Вода. Фонарь. Карта. Запасные батарейки. Аптечка. Нож. Моток тонкой верёвки. Сложенный дождевик. Всё нужное ложилось в рюкзак быстро, почти само, будто руки знали порядок лучше головы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.